

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ ВОЕННО-СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ.

По поводу рѣшеній главнаго военнаго суда 1901 г. №№ 3, 6, 9 и 19. —
Приложеніе № 11).

XV ¹⁾.

Если воинскія преступленія, совершенныя единично, могутъ быть въ значительной степени относимы на счетъ совершившаго ихъ военно-служащаго—его личныхъ свойствъ и особенностей его психической организаціи—то преступленія *коллективныя* (командою или частью ея) есть всецѣло продуктъ того или иного порядка вещей, установившагося въ бытѣ и службѣ данной войсковой части. Въ образованіи той почвы, на которой они возникаютъ, принимаютъ, на нашъ взглядъ, участіе не только непосредственно нарушившіе долгъ службы подчиненные, но и начальники ихъ—конечно, косвенно. Выяснить съ достаточною полнотою эти побочные, но весьма важные факторы (слабый надзоръ за подчиненными, индиферентизмъ и излишній педантизмъ, разнаго рода злоупотребленія, отсутствіе настоящаго «отеческаго попеченія» и т. п.) чрезвычайно и поучительно, и интересно. Къ сожалѣнію, это дѣлается и рѣдко, и въ крайне ограниченныхъ рамкахъ. Коллективныя преступленія военно-служащихъ обыкновенно такъ сильно потрясаютъ военную среду, приобретаютъ въ глазахъ ея значеніе такихъ опасныхъ и заразительныхъ симптомовъ и прецедентовъ, что все вниманіе поглощается локализацией ихъ и возстановленіемъ нарушеннаго престижа власти. Ланцетъ изслѣдователя рѣдко получаетъ возмож-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1901 г., № 5.

ность провикнуть далѣе, за границы коллективно учиненнаго преступленія, а печатныя рѣшенія главнаго военного суда, посредствомъ которыхъ военносудныя дѣла становятся достояніемъ всѣхъ, оставляютъ и совсѣмъ небольшую долю изъ бытовыхъ чертъ, дающихъ возможность выяснитъ себѣ ту почву, на которой такія преступления рождаются. Вотъ, напримѣръ, дѣло о 25-ти нижнихъ чинахъ Повѣнецкой мѣстной и конвойной командъ, заслушанное временнымъ военнымъ судомъ въ г. Петрозаводскѣ и по кассационному протесту военного прокурора перенесенное въ главный военный судъ. Содержаніе рѣшенія его № 3 только намѣчаетъ предъ нами эту почву и дѣйствовавшіе на ней два типа начальниковъ этихъ командъ. Обстоятельства дѣла таковы:

14-го іюня 1900 года въ г. Повѣнцѣ, послѣ утренняго одиночнаго ученья въ казармахъ, когда нижнимъ чинамъ командъ было передано чрезъ унтеръ-офицера Комлякова приказаніе Повѣнецкаго уѣзднаго воинскаго начальника капитана К. строиться въ 10 часовъ утра на сводное ротное ученье, 25 человекъ нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ два ефрейтора, получивъ это приказаніе и ставъ въ строй, начали шумѣть и, громко выражая свое неудовольствіе по поводу назначеннаго ученья, говорили, что на него не пойдутъ, такъ какъ по росписанію занятія полагаются у нихъ только до 10-ти часовъ утра и что вмѣсто ученья надо идти въ казармы. На ученье они однако пошли, и строемъ, но дорогою продолжали шумѣть и громко выражать свое неудовольствіе, до тѣхъ поръ, пока тотъ же унтеръ-офицеръ Комляковъ не приказалъ имъ замолчать. Можно думать, что этотъ прискорбный эпизодъ былъ только однимъ виѣшнимъ проявленіемъ существовавшаго уже недовольства командъ капитаномъ К., который, «въ виду распущенности мѣстной и конвойной командъ», ограничилъ увольненіе нижнихъ чиновъ въ отпуски и допускъ къ нимъ въ казармы постороннихъ лицъ, а также сталъ ихъ подвергать за проступки законной отвѣтственности, а трехъ изъ нихъ предалъ даже суду.

Суть дѣла ясна. Маленькій глухой городокъ Повѣнецъ. Однообразная тихая жизнь, разъ въ годъ нарушаемая прїѣздомъ для инспекторскаго смотра командира мѣстной бригады, легко и скоро дѣлаетъ «полусолдатомъ» уѣзднаго воинскаго начальника, быть можетъ, стараго армейскаго капитана, долго тянувшаго тяжелую лямку въ строю, и въ Повѣнцѣ обрѣтшаго «тихую пристань». Служба идетъ помаленьку и полегоньку. Обиліе канцелярской работы, лежащей на уѣздномъ воинскомъ начальникѣ, отнимаетъ время отъ строевыхъ занятій, отъ воспитанія команды—въ духѣ воинской части.

И всѣ мало-по-малу становятся военными только по мундиру. Въ тому же по натурѣ не педантъ, не формалистъ, считающій, что въ строгомъ соблюденіи уставныхъ требованій нѣтъ нужды «въ такомъ захолустѣ», воинскій начальникъ незамѣтно для себя «распускаетъ свою небольшую команду»... А въ ней, поди, не мало мѣстныхъ гражданъ служить и имѣть въ городкѣ родныхъ, знакомыхъ, пріятелей и пріятельницъ, мѣшать сви-

данію и посѣщенію которыхъ нѣтъ очевидной настоятельности. Но вотъ стараго и «милаго» капитана, какъ называетъ его мѣстное общество, повышаютъ въ подполковники и переводятъ въ другой городъ, классомъ выше, или онъ выходитъ въ отставку, или умираетъ. На его мѣсто является новый—помоложе, поэнергичѣе, съ иными взглядами на службу, съ сознаниемъ необходимости одинаково—неукоснительно и неотступно соблюдать ея требованія и на высяхъ Балканъ и въ Царевokokшайскѣ. Къ реорганизаціи быта и службы онъ приступаетъ круто, безъ компромисовъ, безъ постепенности въ измѣненіи режима—и естественно навлекаетъ на себя неудовольствіе привыкшихъ къ вольготной жизни солдатъ. Мы не говоримъ, что такъ было и въ Повѣнциѣ, но думаемъ, что такъ могло быть. Намъ нужна была эта небольшая картина для пониманія почвы такого рода коллективныхъ преступленій. Знаніе же этой почвы важно для насъ, конечно, не въ цѣляхъ уменьшенія отвѣтственности нарушившихъ долгъ службы подчиненныхъ, а какъ предостереженіе на будущее время, какъ урокъ другимъ. Возвратимся однако къ тому, что произошло 14-го іюля 1900 года въ Повѣнциѣ. Съ цѣлью оказать противодѣйствіе упомянутымъ выше распоряженіямъ капитана К. и добиться измѣненія его отношеній къ чинамъ командъ они въ этотъ же день рѣшили сообща подать письменную жалобу на капитана начальнику Архангельской мѣстной бригады. Жалоба была написана однимъ изъ нижнихъ чиновъ, подписана 26-ю человекaми и отправлена по почтѣ. Въ ней, въ преувеличенномъ видѣ и съ употребленіемъ оскорбительныхъ выраженій, изложены были распоряженія К. относительно ограниченія ихъ отпусковъ, свиданій съ родственниками, наложенія дисциплинарныхъ взысканій, а также неполнаго удовлетворенія на Пасху экономическимъ хлѣбомъ. Такова фактическая сторона этого дѣла. Переходимъ къ сторонѣ юридической — къ отвѣтственности виновныхъ по закону.

Изъ дѣяній, въ которыхъ признаны виновными 25 нижнихъ чиновъ Повѣнецкихъ командъ, ропотъ ихъ на распоряженіе начальства о сводномъ ротномъ ученіи, какъ не вызвавшій, по мнѣнію суда, безпорядка по службѣ, подведенъ былъ имъ подъ дѣйствіе I части 108 ст. воин. уст. о нак., подвергающей виновныхъ взысканіямъ дисциплинарнымъ. Соглашеніе же нижнихъ чиновъ на противодѣйствіе распоряженіямъ начальства хотя и предусматривается 111 ст. того же устава, но судъ, имѣя въ виду, что соглашеніе это было приведено въ исполненіе и имѣло послѣдствіемъ подачу задуманной всѣми подсудимыми неосновательной жалобы, съ нарушеніемъ установленнаго порядка, пришелъ къ заключенію, что подсудимые подлежатъ отвѣтственности только за эти послѣднія дѣянія. Такимъ образомъ, сговоръ на подачу жалобы получилъ въ данномъ случаѣ значеніе лишь предварительнаго соглашенія и приготовленія къ преступленію, предусмотрѣнному I ч. 171 ст. т. XXII (предъявленіе жалобъ по дѣламъ, касающимся службы, съ нарушеніемъ установленнаго закономъ порядка или должнаго

приличія, а также обремененіе начальства неосновательными жалобами). Съ такимъ опредѣленіемъ виновности подсудимыхъ не согласился, однако, военно-прокурорскій надзоръ. Прежде всего онъ указалъ въ своемъ протестѣ на то, что соглашеніе нижнихъ чиновъ на подачу жалобы не можетъ быть разсматриваемо какъ предварительное соглашеніе или приготовленіе, а является самостоятельнымъ преступленіемъ, наказуемымъ по 111 ст. XII книги С. В. П. Дѣйствительно, наше дѣйствующее военно-уголовное законодательство опредѣляетъ въ ст. 111 самостоятельныя наказанія «за всякаго рода соглашенія, въ числѣ двухъ или болѣе лицъ, съ цѣлью противодѣйствовать начальству или его распоряженіямъ, а также за составленіе прошеній, заявленій и тому подобныхъ бумагъ и за собираніе подписей къ нимъ». Затѣмъ, дѣйствительное учиненіе одного изъ преступленій противъ подчиненности, на которое послѣдовало соглашеніе, или подача по соглашенію составленныхъ прошеній, заявленій и т. п. бумагъ, влечетъ за собою уже новую отвѣтственность по соответствующимъ статьямъ закона (напримѣръ, 105 или 171). Такимъ образомъ, въ каждомъ коллективномъ преступленіи законъ стремится установить два момента его: соглашеніе и учиненіе и за каждый изъ нихъ отдѣльно подвергаетъ виновныхъ отвѣтственности. Это, однако, вовсе не ведетъ къ усиленію ея, такъ какъ согласно правиламъ объ опредѣленіи наказаній по совокупности преступленій одно изъ наказаній, болѣе строгое, поглощаетъ собою другое, слабѣйшее, безъ всякаго повышенія тяжести его.

Несогласованность же отвѣтственности за одинъ только фактъ соглашенія съ отвѣтственностью за осуществленіе его ведетъ нерѣдко къ своего рода *non sens'амъ*, выражающимся въ томъ, что нѣкоторые преступленія противъ подчиненности (напримѣръ, ропотъ противъ начальства), хотя бы и совершенныя по предварительному соглашенію между многими военно-служащими, могутъ подлежать менѣе строгой отвѣтственности, чѣмъ простое соглашеніе на ихъ совершеніе, не приведенное въ исполненіе. Это именно соображеніе и находимъ въ протестѣ прокурора по настоящему дѣлу. «Если согласиться»—говоритъ онъ—«съ толкованіемъ суда (опредѣлившаго наказаніе только по 171 ст. за осуществленное соглашеніе подать жалобу)—то выходитъ, что тотъ, который не только согласился съ другими противо-дѣйствовать законнымъ распоряженіямъ начальства, но и принесъ неосновательную жалобу, долженъ подвергнуться меньшей отвѣтственности, чѣмъ тотъ, который только вступилъ въ соглашеніе, но намѣренія его не привелъ въ исполненіе». (Наказуемость по 171 ст. XII слабѣе наказуемости по 111 ст.). Кромѣ того, ст. 111 должна была имѣть примѣненіе къ настоящему дѣлу, по мнѣнію прокурора, еще и потому, что второю своею половиною она предусматриваетъ именно составленіе прошеній, заявленій и тому подобныхъ бумагъ и собираніе подписей къ нимъ; судомъ же признано, что всѣ подсудимые, согласившись оказать противо-дѣйствіе законнымъ распоряженіямъ начальства, поручили написать жалобу и не только

подписали ее сами, но уговорили сдѣлать это и другихъ. Главный военный судъ согласился съ этими доводами протеста и, оставивъ опредѣленную подсудимымъ отвѣтственность по 171 ст. XXII, усилилъ такуюю еще по статьѣ 111.

Согласился главный военный судъ также и съ указаніемъ въ протестѣ на то, что къ подсудимымъ надлежало примѣнить не 1-ю ч. 108 ст. XXII, а 2-ю, такъ какъ ропоть ихъ сопровождался нарушеніемъ тишины и порядка въ строю, когда должна соблюдаться безусловная тишина и когда за совершеніе преступленій законъ наказываетъ строже. Стало быть это и есть тотъ болѣе или менѣе важный беспорядокъ, о которомъ говорить 2-я ч. 108 ч., усиливающая наказаніе за ропоть. Высказавшись за примѣненіе къ настоящему дѣлу 111 статьи воин. уст. о нак., главный военный судъ стоитъ лишь на почвѣ буквального смысла нашего военно-уголовнаго закона и прежней своей практики. Но отрѣшившись на время отъ этихъ устоевъ, нельзя не признать, что ст. 111 одна изъ неудачныхъ статей нашего воинскаго устава о наказаніяхъ. Текстъ ея отличается неопредѣленностью и невыдержанностью. Не указывая ясно признаковъ одного главнаго предусмотрѣннаго въ ней преступленія—заговора, она связываетъ съ нимъ другое преступленіе, мало имѣющее общаго съ первымъ, это—«составленіе прошеній, заявленій и тому подобныхъ бумагъ и собираніе подписей». Къ чему ведетъ иногда самостоятельность положенныхъ въ этой статьѣ наказаній—мы уже говорили. Наши представители науки военно-уголовнаго права согласно указываютъ на предпочтительность того порядка отвѣтственности за заговоръ, который принять, напримѣръ, германскимъ уставомъ. Параграфъ 103 его, предусматривая соглашеніе многихъ отказаться сообща отъ повинненія, или оказать общими силами сопротивленіе, или совершить насиліе надъ начальникомъ, опредѣляетъ наказаніе по параграфамъ, предусматривающимъ эти именно дѣянія, но съ обязательнымъ увеличеніемъ срока заключенія отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ; если же соглашеніе было осуществлено, то наказаніе, т. е. собственно срокъ заключенія, удваивается. При такой постановкѣ вопроса: 1) приведенный въ исполненіе заговоръ, хотя бы и выразившійся въ дѣйствіяхъ одного лица, сохраняетъ характеръ коллективнаго преступленія; 2) наказаніе согласуется съ важностью того преступленія, на которое учинено было соглашеніе, и 3) оно никогда не будетъ слабѣе отвѣтственности за соглашеніе, не реализованное. Съ своей стороны добавимъ, что само преступное дѣяніе сохраняетъ по силѣ § 103 германскаго устава свою цѣльность, а не разлагается искусственно на рядъ отдѣльныхъ моментовъ и дѣйствій, въ сущности направленныхъ къ одной цѣли, объединенныхъ однимъ умысломъ и одной логикой дѣйствій, но въ глазахъ главнаго военного суда представляющихъ до сихъ поръ почему-то «совокупность преступленій» (рѣшеніе его 1898 г. № 56) ¹⁾.

¹⁾ Параграфъ 103 германскаго устава отличается отъ ст. 111 нашей XXII книги еще тѣмъ, что въ то время какъ послѣдняя предусматриваетъ соглаше-

На почвѣ мѣстныхъ же условій службы и быта выросло, надо думать, и дѣло командира 4-й роты Кушкинскаго резервнаго баталіона штабсъ-капитана Майсурова, рассмотрѣнное временнымъ военнымъ судомъ въ городѣ Мервѣ. Этотъ офицеръ преданъ былъ суду по обвиненіямъ въ томъ: 1) что, состоя съ 16-го марта 1899 года командиромъ 4-й роты, онъ изъ числа полученной для довольствія нижнихъ чиновъ рисовой крупы продалъ 15 пудовъ, купивъ на вырученныя деньги ячмень, а 16 пудовъ этой крупы промѣнялъ тоже на ячмень, обративъ какъ въ первомъ случаѣ такъ и во второмъ приобрѣтенный ячмень на кормъ ротныхъ лошадей, вслѣдствіе чего нижніе чины получали кашу изъ рисовой крупы рѣже, чѣмъ могли получать, если бы не было продажи и обмѣна крупы на ячмень; 2) что въ періодъ времени съ 16-го марта по 8-е ноября 1899 года, изъ числа заготовленнаго для ротныхъ лошадей ячменя взялъ для собственной надобности 4 пуда, стоимость котораго пополнилъ до открытія сего злоупотребленія; 3) что изъ того же заготовленнаго для ротныхъ лошадей ячменя ссудилъ 4 пуда 25 фунтовъ штабсъ-капитану Васильеву, каковой ячмень пополнилъ послѣ открытія сего злоупотребленія; 4) что изъ числа оставшейся отъ довольствія нижнихъ чиновъ экономической муки употребилъ въ свою пользу 3 пуда и ссудилъ 5-ю пудами этой же муки завѣдывающаго Кушкинскимъ мѣстнымъ лазаретомъ коллежскаго секретаря Семенова, пополнивъ стоимость этихъ 8-ми пудовъ муки уже послѣ открытія сего злоупотребленія; 5) что, будучи обязанъ заносить на приходъ поротнымъ книгамъ оставшуюся отъ довольствія нижнихъ чиновъ ввѣренной ему роты экономическую муку и вырученныя отъ продажи этой муки деньги, а равно и выписывать въ расходъ эти деньги по мѣрѣ израсходованія оныхъ на покупку предметовъ для нижнихъ чиновъ и вообще для надобностей роты, онъ въ теченіе командованія ротой съ 16-го марта по 8-е ноября 1899 года не исполнялъ сего, хотя и безъ корыстной цѣли, но съ цѣлью облегченія себя отъ излишней переписки; 6) что, вступивъ въ командованіе 4-ю ротой и зная распоряженіе командира баталіона, послѣдовавшее 6-го февраля 1899 года о помѣщеніи въ отчетный листъ и въ листъ о припасахъ довольствія слабыхъ нижнихъ чиновъ особыми завтраками и о веденіи расхода по сему предмету въ отдѣльныхъ тетрадахъ, онъ умышленно не исполнялъ этого, желая показать, что въ ротѣ его меньше расхода; 7) что лѣтомъ 1899 года изъ числа заготовленнаго нижними чинами ввѣренной ему роты для надобностей роты сырцоваго кирпича взялъ для своихъ личныхъ надобностей 10,000 кирпичей безъ разрѣшенія начальства, выдавъ взамѣнъ этихъ кирпичей въ роту шалманы, рейки и внутреннія двери; 8) что по его приказанію нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ роты работали въ лично принадлежащемъ ему домѣ по постройкѣ кухни и коридора отъ двухъ до пяти дней и никакого вознагражденія только на нарушеніе подчиненности, первый охватываетъ и преступленія противъ чинопочетанія.

денія за эту работу онъ имъ не выдавалъ, и, наконецъ, 9) что въ теченіе лѣта 1899 года нанесъ удары четыремъ рядовымъ. Судъ призналъ, однако, штабсъ-капитана Майсурова виновнымъ только въ послѣднемъ и согласно 1 ч. 185 ст. С. В. П. XXII, назначилъ ему дисциплинарное взысканіе (арестъ на однѣ сутки), остальные же обвиненія призналъ недоказанными, въ отношеніи перваго потому, что подсудимый совершилъ продажу и обмѣнъ рисовой крупы на ячмень безъ всякаго ущерба для довольствія нижнихъ чиновъ рисовой крупой, такъ какъ замѣнилъ ячменемъ лишь тотъ остатокъ крупы, который образовался отъ недоѣда его нижними чинами; по второму обвиненію, что подсудимый взялъ 4 пуда ячменя заимообразно безъ всякой корыстной цѣли, приказавъ своевременно записать этотъ расходъ за собой и своевременно же уплатилъ за него деньги, имѣя право на такое позаймствованіе, какъ ротный командиръ; по третьему, четвертому и пятому обвиненіямъ судомъ отвергнуты самые факты; по шестому обвиненію, что подсудимый не зналъ о распоряженіи командира баталіона, послѣдовавшемъ до вступленія его въ командованіе ротой и притомъ лишь въ формѣ служебной записки, а не въ приказѣ или приказаніи; по седьмому обвиненію, что подсудимый взялъ 10,000 штукъ кирпича свѣдома и разрѣшенія начальства, и по восьмому обвиненію судъ призналъ недоказаннымъ, чтобы подсудимый не платилъ нижнимъ чинамъ за работу, причемъ самыя-то эти работы были не частныя, а казенныя, такъ какъ подсудимый жилъ въ казенномъ домѣ и ничего не получалъ за сдѣланныя имъ необходимыя пристройки. Въ предъявленныхъ штабсъ-капитану Майсурову обвиненіяхъ очень характернымъ является объясненіе, что довольствіе слабосильныхъ нижнихъ чиновъ завтраками не заносилось имъ въ отчетный листъ и листъ о припасахъ изъ желанія показать, что въ его ротѣ меньше расхода. Непосредственно судомъ не опровергнутое, а отпавшее только вслѣдствіе отрицанія имъ знанія штабсъ-капитаномъ Майсуровымъ о распоряженіи командира баталіона записывать эти завтраки въ отчетные листы, оно довольно краснорѣчиво указываетъ на предметъ служебнаго соревнованія ротныхъ командировъ этой части. Очевидно, что матеріалъ предварительнаго слѣдствія далъ достаточное основаніе къ такому объясненію и включеніе его въ обвинительный актъ имѣеть за собой нѣкоторый *raison d'être*. Предметъ служебнаго соревнованія едва-ли удачно выбранный, особенно при тяжелыхъ условіяхъ службы и жизни войскъ въ Закаспійскомъ краѣ. Они же, эти особыя условія, вѣроятно, были причиною и тому, что штабсъ-капитанъ Майсуровъ и коллежскій секретарь Семеновъ пріобрѣтали для своихъ личныхъ надобностей ячмень и муку не у частныхъ лицъ, а вынуждены были заимствовать ихъ временами изъ запасовъ роты. Временный военный судъ въ г. Мервѣ призналъ за ротнымъ командиромъ право на это—при условіяхъ: отсутствія корыстныхъ мотивовъ, своевременной выписки позаймствованнаго въ расходъ, съ записью его за ротнымъ командиромъ, и своевременной уплаты

за поимствованное денегъ. Съ этимъ взглядомъ, однако, не согласился представитель военно-прокурорскаго надзора, по мнѣнію котораго такого рода позаймствованія не оправдываются никакими законоположеніями, а караются по 232 ст. воин. уст. о наказ., предусматривающей не только растрату и присвоеніе, но и пользованіе и ссуду ввѣреннаго по службѣ имущества. Позаймствованіе же для себя—говорилось въ протестѣ—и есть пользованіе этимъ имуществомъ. Главный военный судъ не согласился на этотъ разъ съ доводами помощника военнаго прокурора и кратко высказалъ (рѣшеніе № 6), что «взятіе подсудимымъ для собственной надобности 4-хъ пудовъ ячменя изъ числа заготовленнаго для ротныхъ лошадей, съ приказаніемъ записать этотъ расходъ за нимъ, штабсъ-капитаномъ Майсуровымъ, и съ своевременною уплатою денегъ, не заключаетъ въ себѣ признаковъ дѣянія, предусмотрѣннаго 232 ст. С. В. П. XII». На первый взглядъ такое разъясненіе можетъ показаться противорѣчающимъ установленной въ отношеніи этой статьи практикѣ главнаго военнаго суда. Но только съ перваго взгляда. Въ сущности же оно нисколько не противорѣчитъ духу этой практики, ревниво охраняющей интересы казны отъ корыстныхъ поползновеній на нее. Еще въ 1896 году, въ рѣшеніи № 85, главный военный судъ призналъ существеннымъ признакомъ виновности по 232 ст. *корыстные виды*. И просматривая длинный рядъ рѣшеній, до этой статьи относящихся, мы видимъ, что тамъ, гдѣ этихъ корыстныхъ видовъ и личныхъ выгодъ нѣтъ — тамъ нѣтъ и 232 ст. Такъ, передача однимъ ротнымъ каптенармусомъ другому ввѣреннаго ему по службѣ казеннаго имущества не для личнаго пользованія, а исключительно по довѣрію къ заявленію бравшаго, что вслѣдствіе внезапной провѣрки его цейхгауза представляется необходимою снабдить чиновъ караула обмундированіемъ изъ другой роты, признана главнымъ военнымъ судомъ *дисциплинарнымъ проступкомъ*, а не дѣяніемъ 232 ст. (рѣш. 1898 г. № 22).

Корективами противъ возможныхъ злоупотребленій на почвѣ позаймствованія главный военный судъ, какъ это видно изъ разсматриваемаго рѣшенія его (1901 г. № 6), ставитъ: отмѣтку о позаймствованіи въ отчетности и своевременную уплату денегъ за позаймствованное. Нельзя однако не признать, что этихъ указаній не достаточно. Позаймствованія могутъ быть сдѣланы въ то время, когда запасы необходимы для нуждъ самой части, а вовсе не являются «лишкомъ», возвращены онѣ могутъ быть и не деньгами, а продуктами, и притомъ худшаго качества и меньшей стоимости, а уплата можетъ быть произведена по цѣнамъ, хотя и установленнымъ, «справочнымъ», но позднѣйшимъ и, быть можетъ, меньшимъ, чѣмъ тѣ, которыя существовали во время позаймствованія. Такимъ образомъ, рѣшеніе главнаго военнаго суда 1901 г. № 6 въ разсмотрѣнной нами части его, оставаясь вѣрнымъ по существу, нуждается въ развитіи и болѣе широкой мотивировкѣ.

Другая часть этого рѣшенія касается указанія протеста на то, что,

хотя положеніемъ о ротномъ хозяйствѣ не устанавливается особаго вида провіанта подъ названіемъ «недоѣдъ», но по установившемся порядку недоѣдъ нижними чинами хлѣба и каши изъ числа слѣдующихъ имъ по положенію, выдается имъ на руки и составляетъ собственность нижнихъ чиновъ, а потому признанное судомъ дѣяніе штабсъ-капитана Майсурова въ томъ, что онъ продалъ «недоѣдъ» и вырученныя деньги не выдалъ на руки нижнимъ чинамъ, а обратилъ на надобности роты, — является предусмотрѣннымъ 177 ст. XXII, по которой офицеръ этотъ преданъ военному суду по этому пункту. По этому вопросу главный военный судъ разъяснилъ, что, на точномъ основаніи 7 п. 153 ст. Св. В. П. 1869 г. XX изд. 1897 г., экономической провіантъ не составляетъ собственности нижнихъ чиновъ, а, напротивъ того, подожить продажѣ и вырученныя за него деньги поступаютъ на образованіе ротной артельной суммы. Посему продажа штабсъ-капитаномъ Майсуровымъ 15 пудовъ экономической рисовой крупы и покупка на вырученныя деньги ячменя на кормъ ротныхъ лошадей, а равно промѣнъ 16 пудовъ экономической рисовой крупы на ячмень для той же цѣли не составляетъ дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 177 С. В. П. XXII. Дѣйствительно, эта послѣдняя статья закона предусматриваетъ виновность начальника въ удержаніи жалованья или другихъ слѣдующихъ подчиненнымъ денегъ или довольствія безъ корыстныхъ цѣлей, а для употребленія на расходы по вѣренной ему части. Въ рѣшеніи же главнаго военного суда 1884 г. № 87 было уже разъяснено, что подъ означенными въ 177 ст. деньгами и довольствіемъ слѣдуетъ разумѣть деньги и предметы довольствія, *«прямо предназначенные для личнаго удовлетворенія подчиненныхъ...»* Такими *прямо предназначенными*—слѣдуетъ считать на нашъ взглядъ всѣ установленныя самимъ закономъ денежныя, предметныя и пищевыя отпуска, какъ имѣющіе, каждый свое опредѣленное назначеніе, названіе и размѣръ и поступающіе въ пользованіе каждаго нижняго чина непосредственно.

Не касаясь затѣмъ другихъ частей рѣшенія № 6, скажемъ, что имъ приговоръ временнаго военного суда въ г. Мервѣ о штабсъ-капитанѣ Майсуровѣ оставленъ въ силѣ судебнаго рѣшенія, а протестъ помощника военнаго прокурора безъ уваженія.

Интересное разъясненіе по поводу той же 232 ст. Св. В. П. XXII дано главнымъ военнымъ судомъ и въ рѣшеніи № 9 — по дѣлу о стражничкѣ Сандомирской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, Вязовцевѣ.

Вязовцевъ дежурилъ на ст. Скоржиско, Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ и располагалъ тремя бесплатными годовыми билетами, «выданными ему вахмистромъ по службѣ, какъ дежурному названной станціи». Причемъ тутъ была «служба», какое предназначеніе имѣли и съ какою цѣлью одному нижнему чину выданы были три бесплатныхъ годовыхъ билета — изъ рѣшенія главнаго военного суда № 9 не видно. Хотя и передалъ ихъ «дежурному» Вязовцеву его вахмистръ, но выданы были эти билеты очевидно не имъ, а отъ управленія Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ и за отсут-

ствіемъ положительныхъ указаній, по смыслу содержанія рѣшенія № 9, мы можемъ предполагать, что это была своего рода желѣзнодорожная премія за дежурство, установленная не общимъ уставомъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ, а обычаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Вязовцеву три билета? Не для того же, чтобы одному по тремъ годовымъ билетамъ ѣздить! Такъ понялъ это и Вязовцевъ, и 5-го сентября 1900 г., за обѣщанное ему однимъ евреемъ денежное вознагражденіе, сдалъ по этимъ билетамъ въ багажную контору, подъ видомъ своего, принадлежавшій еврею товаръ, вѣсомъ 2 пуда 28 фунтовъ, для отправки его багажемъ въ Варшаву. Багажъ этотъ былъ принятъ и отправленъ по назначенію, а спустя нѣкоторое время какимъ-то образомъ открылось и «злоупотребленіе» Вязовцева. Онъ былъ преданъ суду, судимъ Варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ и осужденъ, причемъ судъ подвелъ дѣяніе его подъ понятіе растраты вѣреннаго по службѣ казеннаго имущества на сумму менѣе 300 рублей (2 ч. 232 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ). На этотъ приговоръ защитникъ подсудимаго Вязовцева принесъ кассационную жалобу, въ которой объяснялъ, что къ виновности Вязовцева эта статья закона совершенно не примѣнима, такъ какъ никакого имущества Вязовцеву по службѣ вѣрено не было и отъ дѣянія его ущербъ его могъ произойти лишь для управленія Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ, но не для казны, такъ какъ провозъ багажа по тремъ имѣвшимся у Вязовцева бесплатнымъ билетамъ никакой оплатѣ со стороны казны не подлежалъ на томъ основаніи, что каждый пассажирскій билетъ даетъ право на бесплатный провозъ одного пуда багажа. Мы полагаемъ, что дѣяніемъ Вязовцева не нанесено было ущерба и управленію дороги, такъ какъ, выдавая бесплатные годовые билеты, дорога уже тѣмъ самымъ скидываетъ со счета своихъ прибылей оплату трехъ пудовъ багажа, провозимыхъ при каждой поѣздкѣ по тремъ годовымъ билетамъ. Вязовцевъ, провозя по выданнымъ ему билетамъ не свой, а чужой багажъ, не нарушилъ расчетовъ дороги, но несомнѣнно, что этимъ онъ нарушилъ установленныя желѣзнодорожныя правила, воспреещающія передачу билета, а корыстный мотивъ дѣлаетъ проступокъ Вязовцева и неблаговиднымъ. Такъ взглянулъ на это дѣло и главный военный судъ, который, руководствуясь рѣшеніемъ своимъ 1896 г. по дѣлу войскового старшины Сохранова и другихъ и рѣшеніемъ уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената 1880 г. № 46, нашелъ, что примѣненіе 232 ст. Св. В. П. XIII къ дѣянію Вязовцева представляется лишеннымъ всякаго основанія по отсутствію въ проступкѣ его признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго этой статьей военно-уголовнаго закона, и что дѣяніе подсудимаго составляетъ проступокъ *дисциплинарный*. Какъ за таковой главный военный судъ и опредѣлялъ Вязовцеву, взамѣнъ опредѣленнаго ему судомъ наказанія,—строгій арестъ на десять сутокъ. Рѣшеніе это представляется крайне поучительнымъ для нижнихъ чиновъ пограничной стражи, дежурящихъ, подобно Вязовцеву, на различныхъ станціяхъ. Значеніе подобныхъ бесплат-

ныхъ билетовъ и права ими создаваемые должны быть имъ выяснены, дабы не повторилась съ иными Вязовцевыми грустная исторія напрасной судебной волокиты. Вѣдь если въ отношеніи войскового старшины Сохранова было признано судомъ, что, не имѣя никакой корыстной дѣли, не извлекая для себя никакой выгоды, онъ учинилъ однородное дѣяніе — перевозъ по желѣзнымъ дорогамъ, по полученнымъ предложеніямъ, лично ему не принадлежащихъ лошадей — только по недостаточной обдуманности степени противозаконности его, то ея еще менѣе можно требовать отъ нижнихъ чиновъ.

За то этой обдуманности потребовалъ главный военный судъ отъ нижняго чина по слѣдующему поводу.

Стрѣлокъ 15-го стрѣлковаго полка, Иванъ Носковъ (онъ же Носко), былъ преданъ полковому суду по 104 ст. Св. В. П. XXII—за неисполненіе приказанія полкового командира. Выразилось же оно въ томъ, что, встрѣтивъ Носкова не по формѣ одѣтымъ, командиръ полка приказалъ ему явиться въ роту, а самъ, придя туда черезъ полчаса, узналъ, что приказаніе это Носковымъ не исполнено. На судѣ Носковъ объяснилъ, что, получивъ отъ командира полка приказаніе явиться въ роту и, дѣйствительно, вернувшись туда, онъ не явился сразу потому, что не нашелъ своего отдѣленнаго начальника, и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, пошелъ оправиться и почиститься, но былъ вскорѣ позванъ командиромъ полка. Свидѣтель, стрѣлокъ Свѣнтковскій, бывший въ это время дневальнымъ у входныхъ дверей, показалъ, что Носковъ, придя въ роту, раздѣлся, взялъ щетки и пошелъ чиститься, а въ это время, минутъ черезъ 15. пришелъ и самъ командиръ полка.

Видимо, усматривая въ дѣйствіяхъ стрѣлка Носкова своеобразное пониманіе имъ воинскаго приличія, а вовсе не нарушеніе правилъ подчиненности, полковой судъ оправдалъ Носкова. Понятно, что полковой командиръ съ такимъ приговоромъ не согласился, причемъ несогласіе свое обосновалъ на § 223 устава внутренней службы, обязывающемъ нижняго чина, уволеннаго со двора, являться тотчасъ же по возвращеніи въ команду. Дѣло перешло въ Одесскій военно-окружный судъ, который также нашелъ обвиненіе стрѣлка Носкова недоказаннымъ, признавъ, что Носковъ, вернувшійся въ казарму съ грязными сапогами, пошелъ ихъ чистить, желая явиться начальнику, дежурному по ротѣ, въ приличномъ видѣ, но окончить этого не успѣлъ.

Однако и приговоръ военно-окружнаго суда, утверждавшій приговоръ суда полкового, оказался для Носкова не окончательнымъ. По протесту помощника военнаго прокурора дѣло перешло въ главный военный судъ, который взглянулъ на него иначе. Въ рѣшеніи своемъ (№ 19) онъ высказалъ, что изложенныя обстоятельства не давали еще военно-окружному суду права постановлять о Носковѣ оправдательный приговоръ, такъ какъ 1 ст. уст. дисц. обязываетъ cadaго военно-служащаго исполнять прика-

заніе начальства въ точности и безпрекословно. Поэтому подсудимый Носковъ, получивъ приказаніе полкового командира, долженъ былъ немедленно вернуться въ роту и явиться дежурному именно въ томъ видѣ, въ какомъ былъ встрѣченъ командиромъ полка, тѣмъ болѣе, замѣчаетъ намъ касационный судъ, что и самое приказаніе послѣдовало вслѣдствіе того, что подсудимый былъ не по формѣ одѣтъ. Между тѣмъ, Носковъ по возвращеніи въ казарму, никому не явился, а сталъ предварительно приводить себя въ порядокъ, въ какомомъ дѣйствиі, по мнѣнію главнаго военнаго суда, и выразилось то небрежное и невнимательное отношеніе къ приказанію начальника, которое преслѣдуется 104 ст. воин. уст. о наказаніяхъ.

Эта статья закона предусматриваетъ неисполненіе общихъ или лично до кого-либо относящихся приказаній начальника *по нерадѣнію или невнимательности*. Хотя двумя судебными приговорами мотивы промедленія Носковымъ въ исполненіи приказанія начальника и объяснены иначе, но главный военный судъ призналъ эти объясненія недостаточными и не устраняющими отвѣтственности Носкова именно потому, что полученное имъ замѣчаніе по поводу формы одежды обязывало его къ особой обдуманности своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ отношеніи ея. Нельзя, однако, не признать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ нерадѣніемъ солдатскимъ, а какъ разъ наоборотъ—радѣніемъ, на свой только образецъ и сообразно своимъ, быть можетъ, заученнымъ на службѣ понятіямъ—являться начальству въ приличномъ воинскомъ видѣ.

Отмѣняя приговоръ Одесскаго военно-окружнаго суда, главный военный судъ не обратилъ дѣло о Носковѣ къ новому разсмотрѣнію, а считая существо его твердо установленнымъ, предоставилъ тому же суду, въ новомъ составѣ присутствія, постановить о Носковѣ новый и, конечно, обвинительный на этотъ разъ приговоръ. Напомнимъ, что отвѣтственность по 104 ст. колеблется въ широкихъ предѣлахъ—отъ дисциплинарнаго взыскація до высшей мѣры одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ.

Въ приложеніи читатели найдутъ, между прочимъ, рѣшеніе главнаго военнаго суда (№ 11) по дѣлу, фактическая сторона котораго тождественна съ вызвавшимъ оживленныя толки въ военной средѣ дѣломъ корнета Ваховскаго (рѣш. глав. воен. суда 1900 г. № 57).

Р Ъ Ш Е Н І Е

ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА ЗА 1901 ГОДЪ.

15-го февраля, № 11. По указу Его Императорскаго Величества главный военный судъ слушалъ: дѣло по протесту помощника военнаго прокурора на приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Холмѣ о состоящемъ въ запасѣ арміи Корнетѣ 19-го драгунскаго Кинбурнскаго полка Сергѣѣ фонъ-Викъ. Временный военный судъ призналъ подсудимаго фонъ-Вика виновнымъ въ томъ, что 15-го декабря 1899 года, въ 11 часу вечера, въ г. Ковелѣ, призвавъ на свою квартиру сапожника Гопина, онъ, въ отмщеніе за предполагаемое Гопинымъ предъявленіе къ нему иска въ судѣ, приказалъ деньщику своему рядовому Голензовскому и рядовому Вакарчуку повалить Гопина на полъ, накрыть ему голову шинелью, снять съ него штаны и сѣсть ему на голову и на ноги, а когда все это было исполнено, то онъ, фонъ-Викъ, нанесъ Гопину нагайкой по обнаженнымъ ягодицамъ нѣсколько ударовъ, всего менѣе 25, отъ каковыхъ ударовъ у Гопина на поверхности тѣла оказались синія полосы безъ кровоподтековъ. Вмѣстѣ съ симъ судъ принялъ во вниманіе обстоятельства, уменьшающія вину фонъ-Вика, а именно: его полное и чистосердечное сознаніе въ преступленіи и стараніе вознаградить по возможности зло, причиненное имъ Гопину, которому онъ, фонъ-Викъ, уплатилъ, въ видѣ вознагражденія 2,000 руб. Дѣяніе, въ коемъ корнетъ фонъ-Викъ признанъ виновнымъ, отвѣчаетъ, по своимъ признакамъ, насилію, предусмотрѣнному ст. 142 уст. о нак., налаг. миров. суд., но такъ какъ это насиліе было учинено при содѣйствіи под-

чиненныхъ подсудимому нижнихъ чиновъ, при чемъ таковое содѣйствіе оказывалось ими по приказанію фонъ-Вика, то сказанное дѣяніе должно разсматриваться какъ превышеніе власти, предусмотрѣнное 145 статьей XII С. В. П. 1869 года изданіе 2. По пониженіи подсудимому наказанія на двѣ степени, судъ опредѣлилъ фонъ-Викѣ содержаніе на гауптвахтѣ, по низшей мѣрѣ 2-й степени 32-й ст. XII, на три мѣсяца, съ ограниченіемъ правъ и преимуществъ по службѣ, каковое наказаніе замѣнялъ, какъ состоящему въ запасѣ арміи, по приложенію I къ ст. 8 С. В. П. XII и постановилъ: состоящаго въ запасѣ арміи корнета фонъ-Вика подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца; по возникшему же противъ него обвиненію въ причиненіи еврею Гошину истязаній или мученій, считать по суду оправданнымъ по недоказанности. На этотъ приговоръ помощникъ военнаго прокурора подполковникъ Володковскій представлялъ протестъ, въ которомъ указываетъ на то, что судъ не долженъ былъ замѣнять подсудимому воинское наказаніе общеуголовнымъ, такъ какъ преступленіе было совершено имъ во время состоянія на дѣйствительной службѣ. Изъ дѣла видно, что, послѣ внесенія въ судъ обвинительнаго акта, военный прокуроръ, 27-го сентября, довелъ до свѣдѣнія суда, что о подсудимомъ фонъ-Викѣ производится судебнымъ слѣдователемъ Луцкаго окружнаго суда предварительное слѣдствіе по обвиненію его въ нанесеніи раны мѣщанину Грисюку. По выслушаніи сего въ распорядительномъ засѣданіи, судъ постановилъ: доложенному дѣлу дать дальнѣйшій ходъ, имѣя въ виду возбужденное противъ подсудимаго новое обвиненіе. О томъ, какое направленіе получило дѣло по обвиненію корнета фонъ-Вика въ нанесеніи раны мѣщанину Грисюку, свѣдѣній не имѣется. Подсудимый фонъ-Викъ произведенъ въ корнеты 3-го апрѣля 1899 года, состоитъ въ запасѣ армейской кавалеріи со 2-го іюля 1900 года. Сообразивъ протестъ помощника военнаго прокурора съ приговоромъ суда и законами и выслушавъ заключеніе исполняющаго обязанности помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что временный военный судъ въ гор. Холмѣ, признавъ корнета фонъ-Вика виновнымъ въ превышеніи власти, допущенномъ во время состоянія на дѣйствительной военной службѣ, и назначивъ ему за это преступленіе, совершенное при уменьшающихъ вину его обстоятельствахъ, содержаніе на гауптвахтѣ на три мѣсяца съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, не имѣлъ законнаго основанія, а также и въ виду рѣшеній главнаго военнаго суда 1892 г. №№ 59, 87, 121 и 1893 г. № 3, замѣнять означенное воинское наказаніе общеуголовнымъ. Независимо отъ протеста, главный военный судъ обратилъ вниманіе на то, что временный военный судъ, не имѣя свѣдѣній объ окончаніи другого дѣла о корнетѣ фонъ-Викѣ, по обвиненію его въ нанесеніи раны мѣщанину Грисюку, не сдѣлалъ въ приговорѣ по настоящему дѣлу соотвѣтствующаго постановленія относительно времени приведенія сего приговора въ дѣйствительное исполненіе. По изложеннымъ основаніямъ глав-

ный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ временнаго военнаго суда въ гор. Холмѣ о состоящемъ въ запасѣ по армейской кавалеріи корнетѣ Сергѣѣ фонъ-Викѣ исправить въ томъ, чтобы названнаго оберъ-офицера, взявъ опредѣленнаго ему судомъ заключенія въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства, подвергнуть содержанію на гауптвахтѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, въ 27 и 33 ст. С. В. П. XXII указанныхъ. Сверхъ того, предписать Варшавскому военно-окружному суду, ранѣ обращенія настоящаго рѣшенія къ исполненію, выполнить требованіе 3 п. 1112 ст. воен.-судеб. устава.

